ніи имъ властью и о войнѣ, окончившейся Тильзитскимъ миромъ. Какъ только дѣло дошло до насъ, со всѣхъ сторонъ послышались звуки и слова живого участія: «Что жъ онъ и насъ завоюетъ?»—Небось Александръ ему задастъ,—сказалъ кто-то, знавшій про Александра.—Но я долженъ былъ ихъ разочаровать—не пришло еще время, и ихъ очень обидѣло то, что хотѣли за Наполеона отдать царскую сестру, и что съ нимъ, какъ съ равнымъ, Александръ говорилъ на мосту.—Погоди же ты! — проговорилъ Петька съ угрожающимъ жестомъ. «Ну, ну, разсказывай!» — Когда не покорился ему Александръ, т.-е. объявилъ войну, всѣ выразили одобреніе. Когда Наполеонъ, съ двѣнадцатью языками пошелъ на насъ, взбунтовалъ нѣмцевъ, Польшу,—всѣ замерли отъ волненія.

«Нѣмецъ, мой товарищъ, стоялъ въ комнатѣ. «А! и вы на насъ!» сказалъ ему Петька (лучшій разсказчикъ). — «Ну, молчи!» закричали другіе. Отступленіе нашихъ войскъ мучило слушателей, такъ что со всѣхъ сторонъ спрашивали объясненій, зачѣмъ? и ругали Кутузова и Барклая. «Плохъ твой Кутузовъ».—«Ты погоди», говорилъ другой.—«Да что жъ онъ сдался?» спрашивалъ третій. Когда пришла Бородинская битва и когда въ концѣ ея я долженъ былъ сказать, что мы все-таки не побѣдили, мнѣ жалко было ихъ: видно было, что я страшный ударъ наношу всѣмъ. «Хоть не наша, да и не ихняя взяла!» Какъ пришелъ Наполеонъ въ Москву и ждалъ ключей и поклоновъ,—все загрохотало отъ сознанія непокоримости. Пожаръ Москвы, разумѣется, одобренъ. Наконецъ наступило торжество — отступленіе. «Какъ онъ вышелъ изъ Москвы, тутъ Кутузовъ погналъ его и пошелъ бить», сказалъ я. «Окарячилъ его!» поправилъ меня Ѳедька, который, весь красный, сидѣлъ противъ меня и отъ волненія корчилъ свои тоненькіе черные пальцы (это его привычка). Какъ только онъ сказалъ это, такъ вся комната застонала отъ гордаго восторга. Какого-то маленькаго придушили сзади, и никто не замѣчалъ. «Такъ-то лучше! Вотъ те и ключи!» и т. п. Потомъ я продолжалъ, какъ мы погнали француза. Немножко